

О Ч Е Р К Ъ

СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНІЯ

Т Е О Р І И С Т Р А Т Е Г І И .

А. БЕРЕНСА.

Приложеніе къ 12 № «Военнаго Сборника» на 1862 годъ.

ОЧЕРКЪ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНІЯ ТЕОРІИ СТРАТЕГІИ. *

I.

Причины поздняго появленія сочиненій о теоріи стратегіи. — Общій ихъ характеръ. — Бѣглый историческій очеркъ литературы стратегіи. — Взглядъ на сущность исторіи стратегіи и методъ ея изложенія.

Первоначально кругъ военныхъ знаній ограничивался разработкою предметовъ, относящихся къ военной техникѣ, къ устройству и употребленію оружія, а также различныхъ преградъ, противопоставляемыхъ непріятелю. Затѣмъ подверглось изслѣдованіямъ и все, что относится къ употребленію войскъ въ бою, ихъ организаціи, какъ тактическаго цѣлаго. Свѣдѣнія, относящіяся къ устройству оружія, возведенію укрѣпленій, развиваясь постепенно, составили двѣ различныя отрасли военнаго дѣла: части артиллерійскую и инженерную. Трактаты о нихъ, изслѣдуя преимущественно законы міра вещественнаго, опредѣляемаго числомъ и мѣрою, заимствуя отсюда свои теоріи, приняли въ изложеніи болѣе строгія, научныя формы, чѣмъ въ другихъ отдѣлахъ военныхъ знаній. Въ сочиненіяхъ, появившихся въ

(*) Въ послѣднихъ нумерахъ «Военнаго Сборника», редація заявила, что переведенный съ нѣмецкаго языка «Курсъ Стратегіи» оказался неудобнымъ и едва ли бы не былъ совершенно бесполезнымъ приложеніемъ къ журналу. Чтобы выполнить свое обѣщаніе, редація имѣетъ честь представить своимъ читателямъ «Очеркъ современнаго состоянія теоріи стратегіи», присовокупляя, что продолженіе трудовъ профессора стратегіи въ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба будетъ помѣщаемо въ книжкахъ за 1863 годъ.

военной литературѣ и относившихся къ тактикѣ и администраціи войскъ, встрѣчались между прочимъ отдѣльныя мысли объ употребленіи всѣхъ военныхъ средствъ для достиженія главныхъ цѣлей войны; но до конца прошлаго столѣтія эти идеи и мнѣнія не были изложены, или, по крайней мѣрѣ, не дошли до насъ, въ видѣ отдѣльнаго цѣлаго, какъ особаго трактата о стратегіи, т. е. объ искусствѣ вести войну. Между тѣмъ, мы встрѣчаемъ относящіяся къ нему отдѣльныя мысли и правила и въ древней литературѣ, какъ-то: въ сочиненіяхъ Ксенофонта (Киропедія, Анабазисъ), Вегеція, Льва Философа, и въ новѣйшей: у Макіавелли (*de l'arte de la guerre*) или, позднѣе, у Монтекукули, Фекьера, Пюисегюра, принца Морица Саксонскаго и у другихъ.

Въ военномъ искусствѣ древнихъ, сраженія были несравненно болѣе рѣшительными, оканчиваясь большею частію совершеннымъ пораженіемъ одной стороны и полною побѣдою для другой. Поэтому тактику, указывавшую средства имѣть верхъ надъ непріателемъ въ бою, могли считать высшею отраслюю военного искусства.

Обстоятельства, постановившія бой въ кругѣ военныхъ соображеній почти единственнымъ средствомъ для достиженія цѣлей войны, измѣнились совершенно въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій. Тогдашній составъ и организація войскъ, система удовольствованія ихъ на театрѣ дѣйствій, вообще совокупность понятій о военномъ дѣлѣ ослабили вліяніе боя на участь кампаній и, при неправильномъ пониманіи значенія этого, конечно, главнаго средства для достиженія цѣлей войны и отчасти при неумѣннн пользоваться результатами сраженій, дали особенную важность какъ дѣйствіямъ на сообщенія, такъ и многимъ другимъ средствамъ (напримѣръ, оборонѣ посредствомъ укрѣпленныхъ линій и лагерей, осадѣ крѣпостей и т. п.), не доводившимъ до рѣшительныхъ столкновеній съ непріателемъ. Въ этотъ періодъ, при господствовавшемъ въ военномъ дѣлѣ методизмѣ, т. е. стремленіи подчинить соображенія полководца и образъ его дѣйствій на войнѣ опредѣленнымъ правиламъ, должна была возникнуть идея объ особой отрасли военныхъ знаній, различной по предмету и цѣлямъ отъ тактики.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ усложнялись военныя соображенія и накоплялась масса опытовъ, какъ исторія вообще,

а слѣдовательно и исторія войнъ, принимала критическое направление, все болѣе и болѣе чувствовалась необходимость свести вмѣстѣ эти наблюденія и сдѣлать изъ нихъ общіе выводы. Выводы эти легко превратились въ правила, изложенныя въ извѣстной системѣ, и породили первые трактаты о стратегіи. Въ нихъ мы находимъ отдѣльныя изслѣдованія свойствъ различныхъ, по преимуществу вещественныхъ, средствъ веденія войны, съ выводами изъ этихъ изслѣдованій, принятыми за основные законы самаго искусства. Такимъ образомъ, сообщенія, сосредоточеніе силъ на рѣшительныхъ пунктахъ театра войны, наконецъ свойства мѣстности послужили основаніями для стратегическихъ теорій.

Главнѣйшіе недостатки этихъ основаній для разработки стратегіи заключались: *въ стремленіи подчинять все соображенія выводамъ*, извлеченнымъ изъ разбора вещественныхъ данныхъ, какъ, наприимѣръ, средствъ продовольствованія, относительной числительности войскъ, мѣстности, *упуская изъ виду нравственный элементъ*, очевидно, преобладающій надъ всѣми прочими на войнѣ, въ ложномъ заключеніи, что вліяніе каждаго изъ упомянутыхъ данныхъ составляетъ величину постоянную, между тѣмъ какъ стратегическіе элементы обнаруживаютъ это вліяніе въ совокупности и доля участія каждаго изъ нихъ въ конечномъ результатѣ непрерывно измѣняется; наконецъ, въ неправильномъ понятіи о неподвижности искусства, постоянно развивающагося вмѣстѣ съ цивилизаціею и мѣняющаго поэтому и формы своего проявленія.

Практика и дальнѣйшія изслѣдованія искусства вести войну породили убѣжденіе въ несостоятельности подобныхъ системъ: это дало литературѣ стратегіи *новое направленіе — отрицательное*. Подъ вліяніемъ его родилась мысль о невозможности изложить теоретически искусство, соображать и направлять къ достиженію цѣлей войны всѣ имѣющіяся для того военныя средства, искусство, которое въ этомъ смыслѣ составляетъ личное достояніе военнаго генія полководца. Такимъ образомъ, характеръ стратегическихъ сочиненій долженъ былъ совершенно измѣниться: въ нихъ стали преобладать не положительныя правила, а наблюденія; писатели начали стремиться къ изслѣдованіямъ не самыхъ способовъ дѣйствій, а свойствъ тѣхъ средствъ, которыя находятся въ распоряженіи полководца; значеніе и суц-

ность теоріи опредѣлились развитіемъ опредѣлительныхъ понятій о началахъ военного искусства.

Сообразно такому взгляду на предметъ, теорія стратегіи, какъ теорія искусства, должна заключаться въ изслѣдованіи: во 1-хъ, свойствъ стратегическихъ элементовъ и военныхъ средствъ, и, во 2-хъ, наиболее употребительныхъ способовъ комбинировать эти средства для того, чтобы ознакомиться съ взаимнымъ вліяніемъ ихъ другъ на друга, а также и на самый характеръ дѣйствій. Конечною цѣлью стратегической теоріи являются открытіе и разработка прочныхъ основаній для критики военныхъ событій, которая только одна, внѣ практики, можетъ ознакомить съ приложеніемъ искусства къ дѣйствительности, составляющемъ единственный рациональный результатъ военного образованія.

Для того, чтобы вполне ознакомиться со свойствами стратегическихъ элементовъ, кромѣ критическаго изслѣдованія ихъ современнаго значенія, необходимо также знать, какъ они видоизмѣнялись вмѣстѣ съ развитіемъ военного искусства и какое вліяніе обнаруживали въ практикѣ подѣ вліяніемъ этихъ видоизмѣненій. Этимъ обуславливается тѣсная связь между стратегіею и исторіею военного искусства, составляющею главный вспомогательный предметъ для первой изъ нихъ—историческій отдѣлъ ея, котораго изученіе должно предшествовать изложенію теоріи.

Объяснивъ значеніе и сущность ея, мы перейдемъ теперь къ историческому очерку литературы стратегіи.

Въ первыхъ стратегическихъ сочиненіяхъ, какъ мы упомянули, обнаружилось стремленіе дать опредѣлительныя правила для веденія войны, основанныя или на современныхъ этимъ трактатамъ понятіяхъ о военномъ искусствѣ, или на разборѣ ближайшихъ къ нимъ по времени войнъ.

Ллойдъ (*), первый стратегическій писатель, и за нимъ *Бю-*

(*) Сочиненіе Ллойда «Mémoires politiques et militaires» появилось во второй половинѣ XVIII вѣка. Оно состоитъ изъ введенія (въ которомъ указывается польза изученія военнаго искусства и говорится о связи военныхъ учрежденій съ духомъ народа и характеромъ страны) и пяти отдѣловъ. Въ первыхъ трехъ изъ нихъ излагаются мысли Ллойда о составѣ и организаціи арміи, нравственной силѣ войскъ и вліяніи, которое оказываетъ политическое устройство государства на образъ веденія войны. Послѣдніе два отдѣла исключительно посвящены теоріи веденія войны и разбору въ военномъ отношеніи границъ европейскихъ государствъ. Наиболее интересны: введеніе и первые три отдѣла.

ловъ (*) всѣ свои заключенія преимущественно основали на выводахъ изъ общаго характера войнъ конца XVII и начала XVIII вѣковъ. Охраненіе собственныхъ сообщений и угроженіе сообщеніямъ противника служили руководящею идеею обоихъ писателей при объясненіи различныхъ способовъ дѣйствій въ войнѣ наступательной и оборонительной. При этомъ оба они видѣли въ виду систему продовольствованія войскъ исключительно изъ магазиновъ, такъ что понятіе объ операціонной линіи вездѣ смѣшивалось съ понятіемъ о линіяхъ коммуникаціонныхъ. Съ устраненіемъ или уменьшеніемъ зависимости арміи отъ снабженія ея запасами изъ магазиновъ, большая часть правилъ, предложенныхъ Ллойдомъ и Бюловымъ, дѣлаются непримѣнимыми на практикѣ, тѣмъ болѣе, что и самый взглядъ на сообщенія измѣнился въ настоящее время.

Къ достоинствамъ сочиненія Ллойда должно отнести разборъ нравственнаго элемента въ войскѣ, изложенный во второмъ и третьемъ отдѣлахъ, подъ общимъ заглавіемъ «Философіи войны», отличающийся глубиною и вѣрностію взгляда на предметъ.

Стремленіе избѣгать боя посредствомъ занятія сильныхъ оборонительныхъ позицій и достигать различныхъ военныхъ цѣлей преимущественно маневрами, господствовавшее въ теоріи и практикѣ военнаго искусства XVIII вѣка, породило въ концѣ его *кордонную систему*, которой преимущественно придерживались Австрійцы въ войнахъ за баварское наслѣдство и вслѣдъ затѣмъ противъ Турокъ. (Такъ, напримѣръ, въ походѣ 1788 года армія ихъ была растянута въ видѣ кордона отъ границъ Бессарабіи, гдѣ стояли русскія войска, почти до Адриатическаго моря.) И въ первыхъ революціонныхъ войнахъ не только Австрійцы и ихъ союзники, но и Французы принимали подобное расположеніе, хотя эти послѣдніе, продовольствуясь исключительно реквизиціями на театрѣ войны и не имѣя въ тылу у себя заблаговременно устроенныхъ магазиновъ, не имѣли надобности столько же дорожить своими сообщеніями. Вскорѣ эта борьба прежнихъ понятій и прежняго образа веденія войны окончилась въ пользу

(*) Бюловъ издалъ въ 1799 году первое свое сочиненіе подъ заглавіемъ: «Духъ новой военной системы» (*Geist des neuern Kriegssysteme*), которое во второмъ, исправленномъ изданіи, появившемся въ 1805 году, названо: «Начало новой военной системы» (*Lehrsätze des neuern Krieges, oder reine und angewandte Strategie*).

новыхъ способовъ дѣйствій, заключавшихся въ стремленіи достигнуть цѣли посредствомъ уничтоженія боемъ войскъ противника и быстрымъ занятіемъ его страны, какъ источника его военныхъ силъ и средствъ. Такое направленіе искусства отразилось и въ литературѣ стратегіи: представителемъ его явились сочиненія *Жомини* (*). Принявъ основаніемъ для своихъ изслѣдованій критическій разборъ ближайшихъ по времени военныхъ событій, для того, чтобы сдѣланные выводы были сколько возможно болѣе примѣнимы къ практикѣ, Жомини, въ первомъ своемъ сочиненіи: «Разсужденіе о большихъ военныхъ дѣйствіяхъ» (продолженіемъ коего служитъ военно-историческій трудъ того же автора: «*Histoire critique et militaire des guerres de la Révolution*» 1819), *выводитъ свои основныя правила изъ дѣйствій Наполеона и изъ критическаго разбора войны семилѣтней.*

При этомъ авторъ, считая единственнымъ средствомъ къ достиженію цѣли войны и уничтоженію силъ противника — рѣшительный съ нимъ бой, принимаетъ за основное начало стратегической теоріи слѣдующій выводъ: «устремлять постоянно силы въ совокупности на рѣшительные пункты театра войны, а тамъ, гдѣ тому препятствуютъ свойства этого театра или гдѣ непріятель, дѣйствуя по нѣсколькимъ операціоннымъ линіямъ, принуждаетъ и противную сторону къ подобному раздѣленію, стараться дѣйствовать по внутреннимъ линіямъ, чтобы имѣть возможность сосредоточивать свои силы прежде непріятеля на томъ пунктѣ, гдѣ въ стратегическомъ отношеніи будетъ выгоднѣе дать сраженіе». И во второмъ своемъ сочиненіи: «*Précis de l'art de la guerre*», посвященномъ исключительно догматическому изложенію стратегической теоріи, Жомини принялъ за точку отправленія ея приведенное нами основное положеніе (*principe fondamental*).

«Разсужденіе о большихъ военныхъ дѣйствіяхъ» имѣло огромный успѣхъ между военными людьми. Причины его заключались въ способѣ изложенія, не требовавшего никакихъ предварительныхъ теоретическихъ свѣдѣній, мало уважаемыхъ практиками,

(*)—Къ числу сочиненій, посвященныхъ исключительно изложенію теоріи стратегіи, принадлежатъ два: 1) *Traité des grandes opérations militaires*, 1805, и 2) *Tableau analytique des principales combinaisons de la guerre ou Précis de l'art de la guerre*, появившееся въ послѣднемъ изданіи въ 1837 г. Остальные сочиненія Жомини принадлежатъ къ разряду военно-историческихъ, въ которыхъ онъ примѣняетъ свою теорію къ критикѣ излагаемыхъ военныхъ событій.

достигшими до извѣстныхъ лѣтъ и чиновъ, а самыя правила казались прямо извлеченными изъ образа дѣйствій Фридриха II и Наполеона I. Притомъ же основаніе теоріи, превосходство въ силахъ тамъ, гдѣ рѣшается участь кампаніи боемъ съ непріателемъ, въ практическомъ своемъ примѣненіи имѣетъ несомнѣнное превосходство передъ правилами, предложенными Ллойдомъ, Бюловымъ и многими другими писателями, современными Жомини или появившимися въ литературѣ послѣ него.

Подъ вліяніемъ революціонныхъ войнъ и сочиненій Жомини исчезла кордонная система, измѣнился прежній взглядъ на безусловную важность охраненія сообщений и вмѣстѣ съ тѣмъ установились рациональныя понятія о значеніи сраженій, этого главнаго средства, повторяемъ, достигать цѣли войны. Разсматривая же *Récis de l'art de la guerre*, какъ трактатъ о стратегіи, мы можемъ сдѣлать ему два главныхъ упрека: 1) онъ составляетъ не болѣе какъ программу стратегіи, потому что кромѣ элемента вещественнаго — сосредоточенія силъ—развитаго вполнѣ, Жомини перечисляетъ только прочіе элементы и военныя средства, не входя въ болѣе подробныя объясненія ихъ свойствъ и значенія для теоріи. Въ сочиненіи преобладаетъ стремленіе къ различнымъ опредѣленіямъ, бесполезно распространяющимъ и безъ того уже многосложную терминологію стратегіи. Но за то *Récis de la l'art de la guerre*, какъ программа, облегчило послѣдующимъ писателямъ разработку стратегіи, указавъ въ системѣ на многіе предметы, упущенные совершенно изъ виду въ предшествовавшихъ сочиненіяхъ.

Достоинство основнаго положенія Жомини, какъ упомянуто, неоспоримо; *но развитіе цѣлой стратегической теоріи изъ свойствъ одного только элемента ведетъ, конечно, къ односторонности выводовъ и взгляда на характеръ искусства.* Какъ только, подъ вліяніемъ другихъ стратегическихъ данныхъ, вліяніе боя на участь кампаніи ослабѣетъ, и исходъ ея будетъ обусловливаться соображеніями, не вытекающими непосредственно изъ результатовъ прямыхъ столкновеній съ непріателемъ (*),

(*) Напримѣръ: наступающій можетъ отказаться отъ цѣли своихъ дѣйствій вслѣдствіе совершеннаго истощенія силъ, пронтекающаго отъ мѣстныхъ свойствъ театра войны, недостатка въ продовольствіи, протяженіи пройденнаго имъ пространства, невозможности обезпечивать свои сообщенія, подверженныя нападеніямъ партизанскихъ непріятельскихъ отрядовъ, при общемъ возстаніи народонаселенія (войны Наполеона въ Россіи и Испаніи) и т. п.

практическая примѣнимость выводовъ Жомини окажется несостоятельною точно такъ же, какъ и критика военныхъ событій, основанная на общихъ положеніяхъ его теоріи. Такимъ образомъ, она не можетъ служить руководствомъ въ войнахъ противъ горныхъ и другихъ племенъ, дѣйствующихъ не регулярными массами, а отрядами вооруженныхъ жителей, ибо главною цѣлью завоевателя становится тогда занятіе края, умиротвореніе страны; нанесеніе же всѣмъ непріятельскимъ силамъ рѣшительнаго удара на одномъ какомъ либо пунктѣ дѣлается невозможнымъ по самому характеру борьбы.

Во всѣхъ упомянутыхъ нами сочиненіяхъ мѣстнымъ свойствамъ театра войны было дано лишь второстепенное значеніе. Ллойдъ разсматривалъ вліяніе мѣстности только относительно обезпеченія сообщеній; Жомини — во второмъ своемъ сочиненіи, какъ указаніе для общаго направленія и сосредоточенія силъ. *Эрцъ-герцогъ Карлъ* (*), напротивъ того, въ своихъ стратегическихъ изслѣдованіяхъ принялъ за основаніе мѣстность, какъ данную, мало измѣняющуюся, и изъ изслѣдованія свойствъ и вліянія ея на военныя дѣйствія пытался вывести правила для нихъ столь же постоянныя, какъ самый характеръ театра войны. Залогомъ успѣха предпринятыхъ военныхъ дѣйствій считаетъ онъ занятіе или обладаніе извѣстными мѣстными пунктами, значеніе которыхъ проистекаетъ отъ расположенія горъ или теченія рѣкъ, или, наконецъ, направленія путей въ странѣ. *Театръ войны, сообразно теоріи автора, представляется сѣтью изъ стратегическихъ пунктовъ и стратегическихъ линій, обнаруживающихъ различное вліяніе на ходъ войны.* Какъ практическій дѣятель, какъ полководецъ, предводительствовавшій австрійскими арміями противъ Наполеона въ лучшіе годы военной жизни этого послѣдняго (кампаніи 1797 и 1809 годовъ), онъ не могъ не замѣтить важности боя и сосредоточенія для того силъ въ рѣшительную минуту кампаніи, и потому старался въ своей теоріи опредѣлить значеніе стратегическихъ пунктовъ и линій, какъ по отношенію ихъ къ упомянутымъ даннымъ, такъ и къ охраненію сообщеній армій, ибо потеря ихъ влекла за собою совер-

(*) Анонимное сочиненіе эрцъ-герцога Карла: «Grundsätze der Strategie» (Основанія стратегіи), появилось въ 1815 году. Оно состоитъ изъ трехъ частей. Въ первой излагается теорія стратегіи и приложение ея къ разбору театра войны въ южной Германіи; въ остальныхъ двухъ частяхъ — критическое описаніе походовъ 1796 г. въ Германію.

шенное разстройство войскъ и невозможность продолжать начатую борьбу (кампаніи 1805 и 1806 годовъ могутъ служить въ этомъ отношеніи очевидными доказательстами).

Въ сочиненіи эрцъ-герцога Карла отразились и преданія Австрійцевъ, обращающихъ постоянно особенное вниманіе на выборъ крѣпкихъ позицій (дѣйствія Дауна въ семилѣтнюю войну и кордонная система могутъ служить наиболѣе рельефными проявленіями австрійскихъ понятій о военномъ дѣлѣ), и вліяніе современнаго автору военною искусства Наполеона.

Но и эта теорія, конечно, столько же односторонняя, какъ и всякая другая, выведенная изъ свойствъ одного элемента искусства. Значеніе мѣстныхъ пунктовъ не зависитъ только отъ конфигураціи театра дѣйствій и топографическихъ свойствъ страны, обуславливаясь расположеніемъ войскъ, политическими причинами и разными другими данными. *И на практикѣ, при различныхъ обстоятельствахъ на одномъ и томъ же театрѣ войны, воюющія стороны должны были дѣйствовать различными образомъ.* Обладаніе стратегическими пунктами можетъ быть однимъ изъ средствъ для достиженія какихъ либо военныхъ цѣлей, но не составляетъ конечной цѣли войны; въ большей части случаевъ пораженіе вооруженныхъ силъ, потеря значительнаго пространства края, истощеніе финансовыхъ и военныхъ силъ противника побудятъ его къ заключенію мира, а не занятіе столицы или какой либо важной оборонительной линіи.

Ллойдъ, Бюловъ, Жомини и эрцъ-герцогъ Карлъ своими изслѣдованіями положили начало новой отрасли военныхъ знаній — изложенію искусства вести войну, а потому писатели эти принадлежатъ одинаково какъ исторіи стратегіи, такъ и литературѣ ея.

За ними является второй рядъ писателей: Ронья (*), Ксиландеръ (**), Водонкуръ (***), имѣвшихъ цѣлью, за исключе-

(*) Considerations sur l'art de la guerre, 1816. Три послѣднія главы этого сочиненія содержатъ въ себѣ мысли автора, относящіяся къ стратегіи. Весьма дѣльные замѣчанія на весь трудъ Ронья сдѣланы полковникомъ Marbot въ книгѣ подъ заглавіемъ: «Remarques critiques sur l'ouvrage de M. le lieutenant-général Rogiat, intitulé: Considérations sur l'art de la guerre» 1820 г.

(**) Сочиненіе Ксиландера: «Die Strategie und ihre Anwendung. 1818 г. (Стратегія и ея примѣненіе.)

(***) Vaudancourt. Mémoires sur la Strategie. Статьи въ журналѣ: «Sciences militaires», напечатанныя въ 1826 году.

нїемь Ронья, развить теорїю стратегїи посредствомь солашенїя выводовъ изъ предшествовавшихъ сочиненїй. Труды ихъ повели къ появленїю въ литературѣ стратегїи нѣсколькихъ компїляцій, не оказавшихъ вліянія на разработку предмета.

Ронья поставилъ себѣ цѣлью вообще выяснить недостатки военнаго искусства наполеоновскаго періода и господствовавшихъ способовъ веденїя войны. Выводы свои о нихъ онъ основалъ на неудачныхъ войнахъ Наполеона въ Испанїи и Россїи. Поэтому, для успѣшнаго веденїя наступательной войны, онъ считалъ необходимымъ постепенное занятїе края и упрочиванїе за собою пройденнаго пространства, а для войны оборонительной — расположенїе войскъ въ сильныхъ укрѣпленныхъ позиціяхъ и дѣйствїя на сообщенїя непрїятеля. Идея эти, примѣнимыя къ многимъ частнымъ случаямъ, конечно, не могутъ служить постояннымъ руководствомъ для практики и составляютъ для теорїи стратегїи дальнѣйшее развитїе взглядовъ Ллойда и Бюлова на значенїе сообщенїй. Что же касается до средствъ, предложенныхъ Ронья, для осуществленїя высказанныхъ имъ правилъ, то они отличаются не только своею односторонностїю, но не выдерживаютъ критики, какъ это доказалъ полковникъ Marbot, принимая въ расчетъ даже данныя, приведенныя авторомъ.

Ксиландеръ и Водонкуръ за основанїе своихъ компїляцій приняли сочиненїя эрцъ-герцога Карла, дополнивъ ихъ нѣкоторыми мыслями, заимствованными у Бюлова и Жюмїни. Поэтому, второй рядъ писателей, не исключая и Ронья, мы не можемъ отнести къ исторїи науки.

Отрицательное направленїе стратегической литературы, отвергающее возможность опредѣлительныхъ теорїй веденїя войны, началось подъ вліяніемъ появившихся въ двадцатыхъ годахъ записокъ Наполеона, частїю продиктованныхъ имъ на островѣ св. Елены Монтолону и Гурго, частїю изложенныхъ подъ его надзоромъ Ласказомъ (). Въ нихъ выразилось убѣж-*

(*) 1) Mémoires pour servir à l'histoire de France, sous Napoléon, écrits à S-te Hélène, sous sa dictée par les généraux Gourgaud et Montholon, 1823—26, и 2) Mémoires de S-te Hélène, par le comte de Lascazes, 1823. Мысли Наполеона относительно теорїи и практики военнаго дѣла разбросаны въ упомянутыхъ сочиненїяхъ, не составляя въ нихъ особаго отдѣла. Поэтому нѣмецкїй военный писатель Клаузеръ сдѣлалъ выборъ замѣчательнѣйшихъ сужденїй Наполеона объ этихъ предме-

деніе Наполеона, что знаніе высшей части военнаго искусства, искусства вести войну не подлежит, какъ говоритъ онъ, книжному изученію, а пріобрѣтается опытомъ и внимательнымъ изученіемъ военной исторіи, въ особенности войнъ, веденныхъ семью великими полководцами древнихъ и новыхъ временъ (Александромъ, Аннибаломъ, Цезаремъ, Густавомъ-Адольфомъ, Тюренемъ, принцемъ Евгеніемъ Савойскимъ и Фридрихомъ). Очевидно, что Наполеонъ этими словами отвергаетъ только всѣ возможные опредѣлительныя правила для дѣйствій, но не изслѣдованія свойствъ основныхъ элементовъ искусства и военныхъ средствъ, такъ же, какъ и различныхъ способовъ употребленія ихъ на театрѣ войны; иначе въ выраженіяхъ его было бы явное противорѣчіе, и не зачѣмъ было бы читать или изучать исторію войнъ.

Подъ вліяніемъ мнѣній, выраженныхъ въ запискахъ съ острова Елены, появились сочиненія: *Деккера* (Grundzüge der praktischen Strategie, Основанія практической стратегіи) и *Вагнера* (Betrachtungen und Erfahrungen über den Krieg und dessen Führung 1830). Оба эти писателя, оставивъ прежній методъ извлекать стратегическія правила изъ разбора свойствъ одного какого либо элемента, обратились къ изслѣдованію различныхъ способовъ дѣйствій, подмѣченныхъ ими изъ практики и изъ исторіи войнъ, и пытались *опредѣлить ихъ относительное достоинство при различныхъ обстоятельствахъ*. Деккеръ старается объяснить все это примѣрами, взятыми изъ военной исторіи; Вагнеръ, желая сдѣлать выводы независимыми отъ вліянія политики, дѣлитъ свою стратегію на чистую, или теоретическую, и на прикладную. Въ послѣдней онъ разбираетъ нѣкоторыя изъ замѣчательныхъ кампаній новѣйшаго времени (Густава-Адольфа, Тюреня, Конде, Мальборо, принца Евгенія Савойскаго, Морица Саксонскаго, войнъ революціонныхъ и Наполеона 1793, 1796, 1807, 1812, 1814 гг.), для того, чтобы показать, какимъ образомъ на практикѣ полководецъ долженъ соображаться въ своихъ дѣйствіяхъ съ политическими обстоятельствами. Цѣль

такъ не только изъ Гурго, Монтолона и Ласказа, но и изъ другихъ сочиненій, какъ-то: Pellet (Mémoires sur la guerre de 1809), Thibeaudot (Histotre de Napoleon), Omeara (Mémoires) и др., и изложилъ ихъ въ двухъ томахъ (Napoleons Grundsätze, Ansichten und Aeusserungen über и т. д.), переведенныхъ на русскій языкъ Леонтьевымъ, подъ заглавіемъ: «Правила, мысли и отзывы Наполеона относительно военнаго искусства, военной исторіи и военнаго дѣла. 1844.

изслѣдованій заключается, какъ и писателей перваго рода, все-таки въ выводѣ правилъ для практики изъ разбора различныхъ способовъ дѣйствій, для чего Вагнеръ, въ своей чистой стратегіи, дѣлитъ ихъ на частные случаи и рассматриваетъ каждый случай отдѣльно, а Деккеръ приводитъ историческіе примѣры. *Форма же, въ которой они предлагаютъ сдѣланные ими выводы, заключается въ томъ, что эти выводы имѣютъ видъ совѣтовъ, намековъ, а не опредѣлительныхъ наставленій.* Въ историческихъ примѣрахъ Деккера и въ прикладной стратегіи Вагнера очевидно подражаніе бѣглымъ очеркамъ, сдѣланнымъ Наполеономъ нѣсколькимъ замѣчательнымъ кампаніямъ, и желаніе осуществить идею о пользѣ изученія военной исторіи, для развитія врожденныхъ способностей къ военному дѣлу.

Сочиненія Деккера и Вагнера, далеко уступая въ стройности и отчетливости трактату о стратегіи *Клаузевица*, къ которому мы теперь перейдемъ, представляютъ, однако, болѣе усовершенствованный методъ изслѣдованія теоріи науки, чѣмъ труды Ксизландера, Водонкура и Ронья. Какъ матеріалы, въ особенности замѣчательны изслѣдованія Деккера объ общемъ планѣ войны, о приготовленіяхъ, дѣлаемыхъ передъ ея открытіемъ, о значеніи крѣпостей и о вліяніи ихъ на самый ходъ военныхъ дѣйствій.

Представителемъ новаго направленія въ литературу стратегіи является посмертное сочиненіе Клаузевица «о войнѣ», изданное въ 1832—1834 гг. Въ немъ вполне отразилась мысль, что теорія стратегіи должна заключаться въ изслѣдованіи свойствъ стратегическихъ элементовъ и военныхъ средствъ, а не въ выводѣ правилъ для самыхъ дѣйствій. Всѣ обстоятельства, которыя оказываютъ вліяніе на успѣхъ войны, могутъ быть, по мнѣнію автора, отнесены къ одному изъ основныхъ началъ, называемыхъ стратегическими элементами. Стратегическіе элементы дѣлитъ онъ на: 1) нравственный — геній и характеръ полководца, духъ войскъ и народа, которому они принадлежатъ; 2) вещественный — составъ арміи и числительная сила войскъ, средства къ средоточенію ихъ; 3) математическій — направленіе операционныхъ линій; 4) географическій — мѣстность, и 5) статистическій — средства къ продовольствованію и содержанію арміи.

Очевидно, что съ понятіемъ объ элементѣ слито здѣсь и понятіе о военныхъ средствахъ; самый же разборъ ихъ свойствъ

отнесенъ къ изложенію различнаго рода военныхъ соображеній, на томъ основаніи, что всѣ эти элементы оказываютъ на дѣйствія вліяніе въ совокупности и на практикѣ не могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга. Отрицая возможность дать какія либо правила для руководства въ искусствѣ вести войну, создать на основаніи началъ, подмѣченныхъ въ практикѣ для выведенныхъ умозрѣніемъ, *опредѣлительную теорію стратегіи, Клаузевицъ придавъ своимъ изслѣдованіямъ характеръ наблюдений, не давая сдѣланнымъ выводамъ значенія положительныхъ законовъ искусства.* Къ этому взгляду онъ приведенъ былъ тѣмъ соображеніемъ, что *политика, обуславливающая собою цѣль войны, и нравственный элементъ, опредѣляющій преимущественно лучшіе способы къ достиженію цѣли, представляютъ собою величины непостоянныя и непрерывно измѣняющіяся.* Благодаря своей основной руководящей мысли, Клаузевицъ не отстранилъ въ своихъ изслѣдованіяхъ наблюденія за вліяніемъ нравственнаго элемента и политики на военные соображенія, какъ дѣлали это другіе писатели, стремившіеся придать теоріи стратегіи болѣе положительное направленіе.

Главнымъ средствомъ для достиженія цѣли войны онъ считаетъ бой, потому что даже тамъ, гдѣ въ дѣйствительности не произошло столкновенія между противниками, уклоненіе отъ него одной изъ сторонъ произошло отъ опасенія дать сраженіе при неблагоприятныхъ для себя обстоятельствахъ. Это ведетъ къ заключенію, что искусство вести войну можетъ быть раздѣлено на двѣ главные отрасли: тактику и стратегію. Первая изъ нихъ имѣетъ предметомъ одержаніе побѣды надъ непріятелемъ на полѣ сраженія, вторая — употребленіе боя или цѣлаго ряда сраженій къ достиженію цѣли войны. Такимъ образомъ, конечная цѣль тактическаго искусства дѣлается въ рукахъ стратегіи главнымъ средствомъ для пріобрѣтенія извѣстныхъ политическихъ результатовъ. Орудіемъ для тактики служитъ войско, а потому свойства его, движенія его на театрѣ войны, расположеніе служатъ одинаково предметами какъ тактическихъ, такъ и стратегическихъ изслѣдованій. *Но положительная теорія скорѣе возможна для тактики, нежели для стратегіи,* потому что первая изъ нихъ имѣетъ болѣе дѣла съ матеріальными данными, зависящими отъ свойствъ самаго вооруженія.

Мы привели взглядъ Клаузевица на стратегію и основаніе

принятаго имъ метода изложенія ея, имѣя въ виду опредѣлить значеніе сочиненія относительно разработки этой отрасли военныхъ знаній, а не критику положеній и мнѣній автора. Взглядъ этотъ на теорію искусства сдѣлался господствующимъ въ военной литературѣ, что само собою говоритъ о его достоинствахъ; но въ умломъ сочиненіи онъ не вмогъ выдержанъ: поставивъ столкновение съ непріателемъ единственнымъ средствомъ въ искусствѣ для достиженія цѣли, авторъ не могъ разобрать вполне и столь же отчетливо вліяніе другихъ средствъ, другихъ способовъ дѣйствій и дать имъ столь же вѣрной оцѣнки.

Во всякомъ случаѣ трактатъ «о войнѣ» Клаузевица представляетъ собою не одну только программу стратегіи, какъ «Précis de l'art de la guerre Жомини, но систематическое и обширное изслѣдованіе теоріи искусства вести войну, въ которомъ мы встрѣчаемъ предметы, разсмотрѣнные порознь прежними писателями, разобранными въ связи и системѣ, подъ вліяніемъ одной руководящей идеи. Со многими выводами Клаузевица нельзя вполне согласиться, разборъ вліянія нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ изобрѣтеній (какъ, напримѣръ, желѣзныхъ дорогъ, электрическихъ телеграфовъ), не могъ войти въ сочиненіе по недостатку прежнихъ данныхъ; но трактатъ этотъ до сихъ поръ остается въ литературѣ стратегіи единственнымъ руководствомъ для дальнѣйшей разработки ея.

Мы замѣтили выше, что изслѣдованія Клаузевица имѣютъ преимущественно характеръ наблюденій, а не окончательныхъ выводовъ о законахъ искусства, а слѣдовательно, съ точки зрѣнія приложенія открытыхъ наукою истинъ къ практикѣ, упомянутыя изслѣдованія не даютъ непосредственныхъ, положительныхъ результатовъ. Потребность въ такой положительной теоріи выразилась въ сочиненіи послѣдняго иностраннаго писателя, принадлежащаго исторіи науки — *Виллизена*, появившемся въ 1840 году (*). Онъ развиваетъ свою теорію на основаніи разбора свойствъ вооруженной силы—арміи, какъ главною орудія войны, устраняя при этомъ вліяніе политики, нравственной элемента, именно тѣхъ данныхъ, которыя препятствуютъ дать выводамъ изъ наблюденій форму опредѣлительныхъ пра-

(*) Theorie des grossen Kriegen. «Теорія большой войны» раздѣляется на двѣ части: 1) теоретическую и 2) приложеніе теоріи къ разбору войны 1831 г. въ Польшѣ.

внѣ. Виллизенъ останавливается на двухъ главныхъ свойствахъ арміи: 1) способности ея дѣйствовать противъ непріятеля, побѣждать его силою оружія и 2) зависимости арміи отъ комплектованія, продовольствованія и снабженія ея военными потребностями. Исслѣдованіе перваго изъ этихъ свойствъ принадлежитъ, по его мнѣнію, къ тактикѣ, втораго — *стратегіи, которую онъ опредѣляетъ наукою, имѣющею предметомъ изложеніе всего относящагося къ сообщеніямъ* (Lehre von den Verbindungen).

Военная дѣятельность обнаруживается также въ двухъ главныхъ направленіяхъ: въ постоянной заботѣ о сохраненіи вещественныхъ и нравственныхъ силъ арміи и въ стремленіи уничтожить эти силы у противника. Преобладаніе перваго изъ нихъ порождаетъ оборонительную форму дѣйствій, преобладаніе втораго — наступательную, хотя постоянно оба эти стремленія присущи дѣятельности арміи на театрѣ войны. Поэтому какъ наступающій въ извѣстные моменты войны переходитъ къ оборонѣ, такъ и обороняющійся къ наступленію. Поставивъ предметомъ теоріи стратегіи заботу о сохраненіи силъ арміи, авторъ разбираетъ значеніе различныхъ способовъ дѣйствій и военныхъ средствъ съ точки зрѣнія охраненія собственныхъ сообщеній и угроженія сообщеніямъ противника, принявъ, при опредѣленіи науки, часть за цѣлое, т. е. разборъ важности сообщеній за полный трактатъ объ искусствѣ вести войну. Виллизенъ далъ своему сочиненію характеръ первыхъ стратегическихкихъ системъ, основанныхъ на изслѣдованіи свойствъ одного какого либо элемента, и только развилъ теорію сообщеній вообщемъ, сообразно нынѣшнему состоянію искусства въ этомъ отношеніи. Поэтому «теорія большой войны» служитъ матеріаломъ для науки, но не удовлетворяетъ настоящимъ понятіямъ объ общемъ объемѣ, характерѣ и цѣли ея, тѣмъ болѣе условіямъ учебнаго курса стратегіи, которыя, какъ видно, имѣлъ преимущественно въ виду авторъ.

Въ нашей русской военной литературѣ не появилось до сихъ поръ сочиненія въ смыслѣ болѣе или менѣе полнаго, самостоятельнаго трактата объ искусствѣ вести войну. Но за то подвергнуты были рациональной, критической оцѣнкѣ произведенія по этому предмету иностранныхъ писателей и высказаны новыя и вѣрныя мысли о сущности теоріи стратегіи, методѣ страте-

примол.

1/2

гін, методъ стратегическихъ изслѣдованій и о главныхъ условіяхъ научнаго изложенія этого отдѣла военныхъ знаній.

«Обозрѣніе извѣстнѣйшихъ правилъ и системъ стратегіи 1836 г.», генерала Медема, представляетъ на русскомъ языкѣ первое критическое сочиненіе въ упомянутомъ родѣ, въ которомъ вполне достигнута предположенная цѣль. Сочиненіе генерала Медема заключаетъ въ себѣ: 1) краткій разборъ всѣхъ стратегическихъ сочиненій и указанія отношенія каждаго изъ нихъ къ наукѣ вообще; 2) опредѣленіе вліянія военныхъ событій и современныхъ понятій о военномъ искусствѣ на сочиненія; 3) изслѣдованія о лучшемъ методѣ изложенія теоріи стратегіи.

Относительно послѣдняго предмета авторъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

а) Постоянныя и безусловныя правила для дѣйствій *существовать не могутъ*. Къ этому положенію онъ приведенъ былъ рациональнымъ, критическимъ разборомъ мыслей стратегическихъ писателей объ искусствѣ веденія войны и повѣркою предложенныхъ ими правилъ посредствомъ военно-историческихъ событій. Подъ безусловными правилами для дѣйствій ген. Медемъ не разумѣетъ *правилъ, объясняющихъ свойства стратегическихъ элементовъ или вліяніе одного элемента на другой*. Такимъ образомъ, напримѣръ, рассматривая мѣстность, какъ отдѣльный элементъ, мы можемъ придти къ выводу, что весьма важныя, относительно мѣстности, стратегическіе пункты тѣ, на которыхъ сосредоточивается наибольшее число дорогъ. Такой выводъ можетъ быть принятъ въ видѣ правила относительно вліянія мѣстности, рассматриваемой отдѣльно отъ всѣхъ остальныхъ стратегическихъ условій. Но какъ скоро сдѣланный выводъ мы приедемъ какъ руководство для самыхъ дѣйствій и скажемъ, *что должно всегда направлять наши силы на важнѣйшій по мѣстности стратегическій пунктъ*, то, очевидно, изъ положенія, объясняющаго свойства одного стратегическаго элемента, совершенно нераціонально выведемъ аксіому для самаго искусства, которая не можетъ быть оправдана практикою.

б) Что теорія стратегіи заключается именно въ изслѣдованіи всѣхъ стратегическихъ элементовъ и средствъ и въ оцѣнкѣ взаимнаго ихъ вліянія на военныя дѣйствія.

в) Что такія познанія составляютъ только матеріалы для со-

ображений, но отнюдь не могут служить руководством для действий.

Другое сочинение на русском языке, съ целью познакомить читателя со всею стратегическою литературою и составить видѣствъ съ тѣмъ учебникъ этой науки, принадлежит профессору Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба генералу *Богдамовичу*. Онъ излагаетъ содержаніе стратегическихъ трактатовъ по возможности въ такомъ порядкѣ, какъ они были написаны, дополняетъ и поясняетъ ихъ замѣчаниями и собственными выводами. Одно изъ главнѣйшихъ достоинствъ этого труда заключается въ томъ, что содержаніе нѣсколькихъ десятковъ томовъ, написанныхъ преимущественно на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, изложено сжато въ одномъ томѣ, при чемъ, по возможности, сохранены замѣчательныя мысли и правила, предложенныя стратегическими писателями. Крімъ того, мы считаемъ обязанностію упомянуть еще, какъ о матеріалахъ для разработки стратегіи, о сочиненіи капитана *Нельова* «Очеркъ современнаго состоянія стратегіи», 1849 г., и *Языкова* «Опытъ теоріи военной географіи», въ которыхъ излагается разборъ свойствъ и вліяніе мѣстности, какъ стратегическаго элемента.

Предложенный нами историческій очеркъ литературы стратегіи указываетъ, что, за исключеніемъ Клаузевица, остальные иностранные писатели занимались разборомъ не свойствъ стратегическихъ элементовъ, а способовъ действий на театрѣ войны. И въ послѣднемъ упомянутомъ нами трактатѣ изложены отдѣльно только два элемента: нравственный и вещественный, а всѣ прочіе рассмотрѣны авторомъ въ связи съ различными образами веденія войны.

Поэтому, для объясненія современнаго состоянія теоріи стратегіи, мы сведемъ всѣ упомянутыя изслѣдованія къ тремъ наиболѣе разработаннымъ ими началамъ стратегическаго искусства, а именно: 1) вліянію сообщений, 2) сосредоточенія силъ и боя и 3) мѣстности на общій характеръ и способъ действий на театрѣ войны. Цѣль нашего критическаго изложенія упомянутыхъ началъ будетъ заключаться въ объясненіи общаго значенія ихъ при современномъ образѣ веденія войны и нашего взгляда на методъ для дальнѣйшей разработки теоріи науки, безъ которой она не можетъ представить стройнаго цѣлаго, оставаясь, какъ теперь, въ видѣ отрывочныхъ трактатовъ о нѣкоторыхъ предме-

такъ искусства, — трактатовъ, не имѣющихъ одной руководящей идеи относительно цѣли и самаго характера изслѣдованій. Въ заключеніе мы постараемся познакомить ближе читателя съ сочиненіемъ Клаузевица, которое, какъ упомянуто было, дало литературѣ науки новое направленіе и представляетъ до сихъ поръ единственную попытку представить полное систематическое изслѣдованіе о теоріи стратегіи.
